

Нейронаука и философия о будущности человеческой природы

В статье исследуется взаимосвязь нейронауки и философии в исследовании грядущих трансформаций природы человека. История человечества под воздействием научно-технического прогресса убыстряет свой бег, подвергая при этом врожденные природные качества человека, его сложившуюся духовно-личностную идентичность необратимым изменениям. Есть ли при этом положении дел у человека надежда на помощь как со стороны клинической практики нейронауки, так и со стороны философии с ее опытом духовной терапии? Возможно ли, что при трансгуманистическом повороте нейронауки и философии на путь управляемой эволюции человека не произойдет худшее: бытие человека станет его небытием в теле рукотворных киборгов, а произойдет лучшее – бытие человека станет инобытием более совершенного его существования? В неоднозначности этого трансгуманистического хода современной эволюции человека возникают вопросы о логосе нейронауки и философской этике этого логоса.

Ключевые слова: логос нейронауки; модусы методологии нейронауки; философско-онтологические; методологические и биоэтические начала философии сознания; холодинамика.

Успехи современной нейронауки несомненны. Известный физик Митио Каку, хорошо знающий положение дел с нейронаукой в США, в передовых клиниках мира, свидетельствует в своей книге «Будущее разума» о поразительных результатах этой науки. По его мнению, проводимые в настоящее время масштабные и очень интересные эксперименты на мозге человека могут кардинально изменить научный ландшафт в этой науке. Ученые получили возможность зондировать при помощи электромагнитных сил человеческие мысли. Возможно, недалек тот день, когда мы сможем улучшать свои умственные способности, телепатически общаться и создать аналог «инопланетного» разума на базе «нано-пыли», инертных газов и на других материальных носителях. «В будущем, возможно, мы станем взаимодействовать с окружающим миром силой разума. Но ученые не хотят ограничиваться только чтением мыслей, т. е. пассивным процессом. Они хотят играть активную роль – двигать объекты силой мысли. Способность к телекинезу обычно приписывают богам. Только божественной силе дано по желанию формировать реальность. Это высшее выражение мыслей и желаний. Скоро и мы получим такую возможность» [4, с. 105–106]. Именно так предполагает с большой силой уверенности Митио Каку.

Успехи нейронауки в США не случайны, так как государство, ведущие корпорации США вкладывают огромные средства в создание искусственного интеллекта, в технологии нейронауки. «Декада Мозга» – яркий тому пример. («Декада Мозга» – название, данное президентом США Джорджем Бушем десятилетие (1990–2000), в течение которого осуществлялось широкомасштабное финансирование исследований мозга) [1, с. 205].

* **Валентин Михайлович Князев**, д-р филос. наук, профессор кафедры философии, биоэтики и культурологии, ФГБОУ ВО Уральский государственный медицинский университет Минздрава России (г. Екатеринбург).

E-mail: kn.va.m@yandex.ru

** **Андрей Владимирович Белкин**, старший ординатор отделения реанимационной реабилитации Клинического института Мозга; аспирант Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург).

Нейронаука, достигшая в своем развитии превосходных результатов и замахнувшаяся на разгадку тайны человеческого мозга и даже самого сознания, объективно вошла на Олимп современной научно-технической мысли. И, получая поддержку и щедрые вознаграждения от верховной власти, может горделиво заявить, что она более не нуждается в мифологемах и интуициях философского мировоззрения, в духовно-нравственном совершенствовании человека и его устремлениях к обществу справедливости. Ей, достаточно хорошо работающей научной методологии, опираясь на логику которой ученый может преуспеть в практике жизни и инновационных успехах на рынке высоких технологий.

Практически понятная, аксиологически приятная мысль о философской значимости научной методологии стала повседневной реальностью современной нейронауки. И эта естественная приверженность нейронауки в методологическом мастерстве получила мощную поддержку от философии сознания. Современная философия сознания является, фактически, философией современной нейронауки. Эта философия сознания берет начало в философии позитивизма, в особенности в методологии эмпириокритицизма Э. Маха, Р. Авенариуса и в логическом позитивизме Венской школы, а затем развивается в тесном сотрудничестве с аналитической философией Бертрانا Рассела, философией языка Людвиг Витгенштейна. Она представлена ныне такими именами, как Дени Деннет, Дэвид Чалмерс, и целой армией когнитивных психологов, специалистов по кибернетике, нейропрограммированию и активно действующего отряда биоэтиков, работающих в парадигме Джейса Джерома Гибсона (1904–1979), основателя новой парадигмы для философии сознания, – парадигме «динамического подхода», в широком размахе экологического сознания.

Претензия нейронауки стать Логосом современной культуры имеет под собой весомое основание, так как ее идеи, технологии инновационны и востребованы на глобальном рынке современной экономики. Самый успешно продаваемый товар на современном рынке услуг – это рабочая сила. А нейронаука, как известно, напрямую занята проектом по улучшению человеческой природы. Представители нейронауки, заучив рукава и актуализировав свои умственные способности, работают над тем, чтобы продлить долголетие и благополучие ныне живущих людей. Работают также над тем, чтобы создать для людей будущего трудовую армию биороботов, киборгов, слаженно действующих в режиме «аутопоэзиса» информационно-коммуникативного общества времен техногенной цивилизации (термин «аутопоэзис» взят из социологии Николаса Лумана, который он заимствовал из трудов когнитивного психофизиолога Франсиско Варела и нейробиолога Умберто Матурана).

Идея «аутопоэзиса» в переводе с греческого читается на русском как «самопроизводство» и означает, что артефактная действительность социума «живет» по аналогии с самоорганизующейся жизнью биологически существующих на земле тел. Из этой идеи следует, что общество – большой, разряженный организм жизни, который структурно подобен жизни человека. Из этой системно-структурной аналогии жизни человека, фактически, биологически укорененной в естестве жизни с артефактной, историко-культурной, технологически и машинно-искусственной жизнью общества, выводятся далекоидущие технологические, трансферные аналогии, которые позволяют практически превращать человека в машину, а Логос культуры общества в машинное действие искусственного интеллекта.

При таком положении дел нейронаука получает мощный импульс для самостоятельного, чисто сциентистского, прагматического развития своей мысли в некоем беспамятстве и отчуждении от традиции развития философской мысли.

Однако такое головокружение нейронауки от технологического прогресса чревато фундаментальной, онтологической ошибочностью и потерей духовно-нравственного алиби на прогресс в деле эволюционного улучшения первозданной природы человека. Как пишет современный философ сознания Дэвид Чалмерс, проблемы нейрофизиологии мозга решают, идя легким путем. Обсуждается, «как мозг обрабатывает стимулы, идущие из окружающей среды? Как он интегрирует информацию? Как мы формируем отчеты о внутренних состояниях? Это важные вопросы, но ответ на них не решает трудной проблемы: почему все эти процессы сопровождаются переживаемой в опыте внутренней жизнью? Поскольку сознание и столь фундаментально, и так плохо понято, решение этой проблемы может оказать глубокое воздействие на наши представления о мире и о самих себе» [11, с. 10].

Самый известный оппонент Чалмерса – философ сознания Дени Деннет, крепко стоящий в вопросах изучения предметности сознания на позиции физикализма, а в вопросах методологии – на позиции логического позитивизма, крайне скептичен к метафизике, видя ее исток в произволе интеллектуальной интуиции. «Помпа интуиции», по его мнению, рождает мифологемы и медитативное состояние психики, сопряженное с верой в «философского зомби». И это мешает качеству научного мышления.

Неоспоримо, Дени Деннет высказывает свои критические суждения против метафизики убедительно и аргументированно. Но кто спорит с тем, что современное мышление философии должно быть более строгим, логически, структурно и математически выверенным. А также оно должно стремиться к полноте и целостности выражаемого в контексте смысла, которые будут понятны другим, иначе мыслящим людям. Вопрос о понимании глупости, мудрости – важнейший для практики жизни. Качественность «квалио-» сознания предельно субъективна, ее невозможно выразить объективно. Ее можно выразить только голографически как персонифицированное единство и целостность бытия Универсума. Ментальная форма мысли всего лишь эпифеномен повседневной логики жизни человека. Ментальное состояние психики – остров в океане трансперсонального сознания, поверхность бездонного океана эволюционной памяти жизни, архетип коллективного бессознательного. Если М. Хайдеггер прав и родной, разговорный язык человека – это его «дом бытия», то потенциальность языка может быть актуализирована через обыденную речь. Может выражаться через метафору, аналогию, следуя значению и смыслу того Слова, которое, – согласно Писанию, – было у Бога и через которое начало все быть. А может выражать значение и смысл Логоса античной философии. И тогда желающий достичь знания Истины будет придерживаться в деле познания не субъективного мнения, а знания объективного, астральным образом выраженного порядка жизни горнего мира, мира Космоса.

Сам генезис методологии современной нейронауки свидетельствует о том, что дискурс гносеологического развития науки, движимый одиноким мыслителем, уходит в прошлое, чтобы дать простор эпистемологическому дискурсу институционально оформленной нейронауки, вставшей на путь тесного взаимодействия с господствующим в сфере общественного сознания типом культуры.

Мишель Фуко, анализируя процесс рождения клиники, отмечает: как в ходе истории существенно меняется исследование мозга человека, меняется перцепция клинициста. Фуко задается вопросом об археологии знания, об исторически различных эпистемах – исторически-конкретных и разных по своей точности прочтениях клиники мозга, в целом клинической практики. И особо отмечает роль государственной, общественной власти в становлении института клиники [10, с. 19].

По авторитетному суждению Виктора Антоновича Садовничаго – ректора МГУ, будущее науки куется в университетах. Садовничий говорит о трех миссиях

Университета: Образовательная миссия призвана проявить в человеке его атрибутивное свойство разумности – помочь ему стать человеком, *homo sapiens*, который отличает ложь, обман от правды и истины и проводит линию демаркации между наукой и паранаукой. Научная миссия призвана дать разумному человеку логику и методологию системного, структурного мышления, воспитать из студента, аспиранта ученого, технолога, инноватора; социальная (культурно-историческая) миссия призвана разбудить в человеке его духовно-личностную идентичность и дать его духовной воле те идеалы, ценности, ради которых следует жить и работать.

Говоря в целом о логосе современной нейронауки, следует сказать, что ее топика адекватно читается с позиции структурно выверенной метафоры о трех мирах человеческого сознания, в которых он одновременно пребывает, когда пытается научно мыслить. Троичная природа мысли – архитектурная для богословского, философского и научного разума. Это и единосущие трех ипостасей Бога, это неплатоническое учение о Едином, Уме и Душе, это диалектическая триада гегелевской диалектики, это и модель холодинамики Дэвида Бома, где структура Универсума понимается как единство трех начал: материи (вещества), энергии (силы) и информации (знания).

Рассматривая эпистемологическую ситуацию в науке XX века, Карл Поппер предложил рассмотреть вопросы современной научной методологии с позиции единства трех миров, владеющих нашим сознанием и определяющих его познавательное развитие. Мир № 1 – физический мир. Мы имманентно включены в него через нейрофизиологию своего тела. Мир № 2 – мир артефактной реальности, второй нашей природы – культуры. Мы трансцендентальным способом включены в него, так как находимся с рождения в объятиях любви и заботы со стороны культурно ответственных перед нами людей общества. Мир № 3 – субъектный, приватный мир нашей психической жизни и духовно-разумной воли. Мы, как это ни парадоксально, отъединены всесилием трансцендентного бытия от очевидной данности нашего субъектного мира. Наше выстраданное одиночество творца, наше мужество и отвага духовной воли, устремленной в экстазе чувств – к красоте, в зорком умозрении – к истине, в витальном порыве воли – к благу и силе бессмертной и совершенной жизни, всегда бывает остановлено молчанием и потаенностью подлинного бытия жизни. В акте веры мы предстоим перед Богом. В акте познания мы предстоим перед знанием Истины, и нам необходимо умудренное незнание, отрезвляющее гордыню разума опытом ошибки и гносеологического поражения, чтобы не обманутся в очередной раз. В акте прагматического действия, живущего вожделением цели, грезами побед, необходимо искусство мягкой силы, необходим метод непротивления злу силой, но без фанатизма, а с решимостью воина, исполняющего свой священный долг и побеждающего зло силой.

Словом, чтобы человеку быть в мгновения своей жизни «венцом природы», надо, как минимум, что-то подлинно знать о законах и подлинном бытии природы. И этот минимум нам дан непосредственно на психическом экране собственного сознания. Но этой данностью обыкновенного чуда надо умным образом распорядиться. К примеру, в зеркале нашей психики единый и всесильный центр солнечной системы – Солнце – дан нам в образе солнечного зайчика. Этот фантом нашего представления и есть очевидное (видимое очами духа) Солнце, которому, как богу, поклонялись и поклоняются люди. Эта очевидность психических образов, несущих в себе смысл универсалий культуры, и есть действительный исток нашего сознания, это и есть то «квалио-», качественность сознания, о природе которой и дискутируют философы сознания. Оказывается, они дискутируют о верном, адаптивном и духовно значимом отношении человека с миром физической реальности и с миром социально-культурной реальности. Без нахождения едино-

сущия и органической целостности этих миров не понять и ноуменальную качественность человека – феномен его сознания и его путь к истинному знанию.

Итак, точкой сборки, центром единосущего является третий мир, который через психическое отражение души человека включает два первых мира и самостоятельно конструирует свое отношение с ними. Конечно, «сто талеров» И. Канта в воображении и в собственном кармане – это разные реальности. Но нейролингвистика мозга человека связана с первым и вторым миром опосредованно через образы психического отражения. Поэтому фактор «души» рождает у человека чувство относительной независимости, свободу для творчества.

Эта энергетика свободы, энергичное зерно человеческого духа, расправляет крылья для вдохновенного полета ума, наполняет пространство души образами позитивного воображения и сублимирует страх перед смертельно опасным бытием жизни, которое в своей потаенности совершенно неведомо нам. Но, как уже сказано великими философами эпохи Просвещения, свобода суть оборотная сторона необходимости, а случайность случается не случайно, а по воле невидимой нам необходимости. И наши предки, мудрецы прошлого, об этом знали хорошо, и их мудрый опыт жизни хранится в памяти культуры общества. И пренебрегать этим опытом мудрецов, гениев было бы в высшей степени опрометчиво.

Всё же настораживают слова Сократа, определившего знание прошедших времен как «мертвое знание», записанное «мертвыми буквами» на шкурах убитых животных. И классик немецкой философии И. Кант увидел в априорном знании культуры тот фактор познавательной деятельности, который ввергает горделивый ум человека в унылое пространство агностицизма. И Н. А. Бердяев, экзистенциальный философ свободы, терпеть не мог состояния объективации и мыслил о познании как об эмерджентном процессе творчества. Для Бердяева объективное сильным образом субъективно, и потому эта творческая субъективность меняет по своему усмотрению объективный мир.

Тотальность объективной субстанции может быть понята по-гегелевски как субъектность Абсолютной идеи. И монадология Г. Лейбница – учение о субстанции мира, явленной в множестве монад в мир предопределенной гармонии, не является утопичным проектом в темном свете догматичного, априорного знания прошлого, с его претензией быть всегда на вершине истинного знания. Последователь Лейбница, русский религиозный философ Н. О. Лосский, «оживил» абстрактный образ «монады», дав ей имя «субстанциональный деятель», и предложил мыслить в методологии конкретного реализма. Согласно такому ходу мысли, в субъектном мире человека обнаруживается ноуменальное начало, тождественное по своей сути и структуре ноумену бытия Универсума. Для «субстанционального деятеля» трансцендентное бытие мира нисходит с высот «горного мира» в имманентность нашей психической жизни. И мы, подобно Лосскому, стоящему недвижно из-за густого тумана на улице Санкт-Петербурга, ничего не видящему вокруг, но хорошо слышавшему все звуки и голоса окрест, можем воскликнуть в ситуации слепоты и противоречивости умозрения: «Всё имманентно всему». Если это так, то мы обязаны искать свой, уникальный способ сопричастности ноуменальному миру бытия, опираясь на субстанциональные основы своего субъектного мира.

Эти основы не обязательно иррациональны, они могут быть предельно логичны, как мы видим это в философии В. С. Соловьева – основателя теории всеединства русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Логика всеединства Соловьева максимально приближена к пониманию реалий человеческой жизни и названа Соловьевым «органической логикой».

Современный последователь философии всеединства В. И. Моисеев вобрал в себя логос органической логики В. С. Соловьева и создает, опираясь на строгий

язык математики, на фундаментализм онтологии метафизики философии всеединства, особый теоретический вариант философии жизни – виталогиию. Биология – наука о жизни, но с позиции естественных наук, а виталогия – тоже в дословном переводе «наука о жизни», но с позиции всеединства. Это методологическое намерение В. И. Моисеева не противоречит здравому смыслу любого мыслящего человека и согласуется особым образом с современной логически выверенной философией сознания. Для Моисеева логика философии не есть только полет Соффы в сером небе закатного дня, но утренняя, по-весеннему живая мысль логически понимаемого бытия. По мысли Моисеева, «в стихии логического есть своя неуничтожимая жизнь, своя душа, интуиция и вдохновение. За внешне скупыми и жесткими логическими символами мерцает огонь разума, выступают из бездны очертания растущей и живой мысли. Логос – это жизнь, данная нам в формах логического бытия. Это нечто чрезвычайно родное и существенное для разума, здесь его суть, его ойкумена» [7, с. 9].

А. Г. Дугин, осмысливая будущность сегодняшней российской философии после гениального начала, свершенного В. С. Соловьевым еще в конце XIX века, видит это будущее в руках «радикального субъекта» философии, в смыслах океанического поля «темного Логоса», питаемого жизненным порывом бога Диониса. Мартин Хайдеггер, знаковый философ для Дугина, особо вчитывался в мифопоэтические тексты Фридриха Ницше [3, с. 477]. Энергетика нигилизма, аксиология зла, вероятно, необходима, когда предстоит вычистить авгиевы конюшни абсурда нашей жизни. И Карл Поппер, давший в качестве логии самостоятельно мыслящему человеку методологию «критического рационализма», делает ставку на духовно-личностную качественность третьего мира в топике философского логоса.

Но, поставив все на возможности человека, мы забыли о действительности мира с его объективными законами, необходимым порядком вещей. Мы забыли об онтологически исходном отношении к миру физической природы. Круг силы физического мира природы для нас непреодолим: из земли пришли и в землю уйдем. В пространственных реалиях этого мира мы действительным образом заявляем о себе практически значимым образом. По результативности практических дел нас взвешивают на весах жизненной значимости. Поэтому правда материализма, физикализма в мире физической реальности правит бал. И естественные науки всё почитают за истину. Нейронаука, или клиническая практика мозга, не является в этом повороте ума к миру физической реальности исключением.

Но так как правда всего лишь сильный порыв человека к истине, то она эгоистична и слепа в своей страсти. Она не смотрит в зеркало правды другой методологической позиции, не учитывает, что с позиции высокого уровня самосознания две враждующие правды – это две стороны жизни самого человека: его внутренней, духовной и внешней, телесной. Дени Дэннет, критик интуитивных прозрений метафизиков, не замечает в пылу критики оппонентов, что по сути сам «фонтанирует» интуитивными прозрениями, метафорически их выражает в стилистике метафизического мышления. К примеру, метафорическое отождествление биохимии мозга в черепной коробке головы человека с брожением дрожжевого теста в кухонной кастрюле бодрит догматический ум по-хулигански своим метафизическим сравнением. Отождествление синхронно работающих нейросетей мозга с мелодией музыки, виртуозно сыгранной оркестром, вызывает эстетический подъем у оппонентов. И, наконец, шедевр метафизически космического воображения – понятийное истолкование ключевой абстракции философской антропологии человеческого Я «как центра нарративной гравитации». И возникает вопрос о критике метафизики: не является ли он в глубине своего воображения интуитивистом метафизики?

Более того, как мы отмечали раньше, человек непосредственно не соприкасается с первозданной природой, так как живет автономным образом жизни в информационно-коммуникативном обществе. И, живя от мира природы относительно самостоятельно и автономно, он чувствует и мыслит реальность объемлющего его бытия посредством данной ему сегодняшней культуры техногенного, далекого от естества жизни общества. Знание современной физики, повествующее о «холодинамике» мира, утверждает, что нет ни баобабов, ни обезьян, ничего материально-вещественного, а только полевая реальность квантового поля, двояко реагирующего на позиции наблюдателя, имеющего в своем распоряжении высокотехнологические устройства и видящего благодаря этим устройствам волновым образом существующие элементарные частицы. Реальность этого мира существует только при технологическом всеисии наблюдателя (физика). А для атеиста в этой реальности нет ни бога, ни черта.

Но поскольку физики в душе лирики, а метафизики любят хорошо и богато жить, то встает вопрос: как перепрыгнуть пропасть непонимания в один прыжок, или как соорудить мост между берегами разных картин мира? Возможно, гении как-то научились прыгать туда и обратно, а что делать нам, «простым смертным»? Строить мост, и строить его особым образом, в пространстве своего воображения, привнося в жесткую дихотомию материализма и идеализма релевантную онтологию бытия жизни. Витализация материи идет полным ходом: о материи мыслят как о динамичности энергии, как о матричной голограмме Универсума.

Таким образом меняется картина мира, и в соответствии с этим меняется самосознание человека. Человек пытается в своем мышлении встать на позицию наблюдателя и по воле своего духа атомарную косность отчужденной жизни превращать в полевую реальность волнового ритма совершенной жизни. В условиях психологической войны, а также неизбежных в нашей суматошной жизни стрессов каждый ищет себе гуру, или сам, овладевая той или иной психотехникой, пытается стать духовно сильным человеком.

Надо заметить, что в вопросах духовной культуры мы – как дети, живущие в отчужденном мире, где нет утешителя и не всегда есть родной, близкий и сильный человек. Поэтому и востребована духовная мудрость традиции, мудрость метафизики. Автор теории «холодинамики», чтобы прояснить метафизические, духовные смыслы своей теории, вступает в переписку с претендентом на роль месии Джидду Кришнамурти [5, с. 55].

Известный российский философ и физик С. С. Хоружий разрабатывает теории синергийной антропологии на основе методологии и психопрактики исихазма афонских монахов. Дж. Диспенза, американский исследователь мозга, доктор хиропрактики, ставший известным благодаря книге «Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели», наоборот, на основе теории холодинамики выстраивает методологию нейронауки, квантовой психологии. В. В. Налимов, математик высшего класса, посвященный в рыцари ордена Тамплиеров, пишет книгу «Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и архитектура личности» и с трудом издает ее во времена СССР. Примеров несть числа.

Итак, топика современного логоса науки рассмотрена с позиции Карла Поппера, его рассуждений о динамическом единстве «трех миров» в его исповедальной статье «Как я понимаю философию?» [9, с. 5–9]. Идеи Карла Поппера указывают нам путь к пониманию современного логоса нейронауки. Ключевое начало, субъектность пути – «критический рационализм». Априорная база критического рационализма – для нас это теория виталогии с ее органической логикой (логикой всеединства). Физический мир предстает в динамическом единстве физикализма современных теорий физики и онтологии философии всеединства, берущих начало в философии Платона.

Следует заметить, что обращение к философии Платона знаменательно для развития всей западноевропейской философии. Даже бытует мнение, что все развитие западноевропейской философии есть не что иное, как «заметки на полях диалогов Платона». Это мнение суггестивно в своем смысле, и к нему можно отнестись критично, проигнорировав его. А вот факты серьезного обращения к философии Платона таких авторитетных философов, как Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Поппер, отечественных философов В. С. Соловьева, А. Ф. Лосева и современных философов, работающих в парадигме философии всеединства, нельзя игнорировать. Поэтому в постоянстве интереса к философии Платона есть то, что по настоящему истинно, интересно для нас.

Особую роль для сильного возвращения философии Платона в мыслительную жизнь Европы сыграл Э. Гуссерль. Эдмунд Гуссерль (1859–1938), хорошо знавший математику – главный язык современной науки и основательно изучивший психологию человека, остановил свой методологический взгляд на феноменологии сознания, понятой в контекстуальности мыслителей Древней Греции и европейского Средневековья. Гуссерль, наблюдая методологический плюрализм, опытно-экспериментальную ситуативность эмпирического мышления тогдашней науки, констатировал ее теоретический кризис.

В условиях кризиса научной мысли разумно остановиться и войти в состояние умудренного незнания, совершить по примеру древних «эпохе» – методологически практическое действие – как способ воздержания от суждений. Важно в ситуации постоянного говорения, спора остановиться и перейти от дискурса страстных речей к молчанию потенциальных смыслов языка, а затем в состоянии покоя и сосредоточенности актуализировать интенциональность своего медитативного сознания, увидеть в смысловой потенциальности интеллигибельного мира культуры смысл феномена своей мысли, явленной нам на экране собственного сознания. Как это сделать современному человеку?

Гуссерль полагал, что это возможно осуществить посредством логосного мышления древнегреческого философа Платона. Платон, повествуя о человеке как узнике пещеры, видящем посредством чувств только многоликость и текучесть чувственной достоверности, определял качественность знания «человека пещеры» как ситуативный, субъективно слабый опыт «мнения». А вот знание философии как «любви к мудрости» ведет человека путем самопознания – к ноуменальной памяти его вечной души, где он может созерцать ноуменальные, подлинные сущности мира в форме идей, знание которых свидетельствует о «чтойности» и «таковости» мира.

Согласно философии Платона, человек, познающий жизненность своей жизни – душу, приступает имманентно к познанию тайны трансцендентной жизни Космоса – Логоса (слова, языка Космоса). И наоборот, человек, познающий фундаментальные законы мира, создает теоретико-методологические основания для познания глубинной сущности человека. Процесс познания глубин личностной жизни и познание высот космического Логоса синхронично.

Главный вопрос философии – о единстве Я и не-Я, идеального и телесного, мышления и бытия – решался Платоном самостоятельно, без помощи Учителя, Бога, посредством анамнеза собственной души человека. Топика платоновской души соединяет уровень имманентного существования человека с бытием трансцендентного через трансцендентальный опыт логосного умозрения. Естественная познавательная субъектность человека, запечатленная в витальности, интенциональности его сущностных сил (чувств, мышления, волевых побуждений) под воздействием социально-культурного логоса древнегреческого полиса, академии Платона, лица Аристотеля трансформируется в трансцендентальный субъект, мысль которого бытийствует в интеллигибельном мире интеллектуальной куль-

туры древних мыслителей и стремится к царственному духовному рангу участия в демократической жизни полиса. Это живое, духовно взрослеющее состояние души человека, восходящего от зоологического индивидуализма до духовно-нравственного поведения субъекта истории греческого полиса, опосредованного знанием законов космоса, – это и есть логос древнегреческой философии.

Надо заметить, что логос древнегреческой философии является органическим единством двух миров: 1) мира космического закона – Логоса, слова Космоса; 2) мира культуры, в которой философия, как любовь к мудрости, играла мировоззренчески и методологически ведущую роль в интеллектуальной жизни Древней Греции. А референтным субъектом тогдашней социально-культурной динамики общества был человек, способный мыслить, опираясь на превосходное знание идей (эйдическое знание), взятое из вечной памяти своей собственной души.

В качестве «точки сборки» различных универсалий, метафизических начал интеллектуальной культуры Древней Греции был утверждён умный субъект исторического действия – философ, который силой своей любви к мудрости получает знание откровения через анамнез собственной души от бытия объёмлющего нас мира Универсума. Был явлен субъект человеческой истории, который действительно может в силу своего истинного знания управлять государством, совершенствовать знание культуры и силой умного знания культуры управлять сознанием людей, различных телесно, социально и культурно, но потенциально в силу наличия в них душевно-духовного начала способных откликаться на зов истины подлинного бытия Универсума.

Это сильная заявка «философа» на власть в обществе, где традиционно духовными властителями были представители касты «брахманов». Феномен «осевого времени истории» как времени самосознания человечества в свете и силе человеческого разума произведен от метафизики – логически выверенного мышления властной элиты древнего общества. Принц Гаутама в Древней Индии, Конфуций, Лао-цзы в Древнем Китае, Аристокл (Платон) в Древней Греции – все они осознали эффективность, великую силу духовно-нравственной суггестии вероучения, мифа и соединили ее с силой социального института власти, представленной потомственной кастой царей, императоров, воинов и тогдашним экспертным сообществом в виде врачей, астрологов, советников и лояльных власти жрецов.

Социально-культурный эксперимент по усовершенствованию духовно-нравственного состояния власти частично удался, создав прецедент появления, говоря языком Конфуция, «благородного мужа», с атрибутами неотразимой харизмы. Аристокл стал легендарным «божественным» Платоном, основателем Академии, его гениальный ученик Аристотель был приглашен в качестве учителя для духовного становления будущего завоевателя мира Александра Македонского. Гаутама стал Буддой, привнеся в касту воинов духовную силу обновленной им религии ведической традиции – силу созданного им вероучения буддизма. После величественно духовного подвига Гаутамы, ставшего Буддой, уже не кажется странным, что царь Милинда приглашает для интеллектуального спора легендарного учителя буддизма Нагарджуна. Не кажется удивительным, что среди воинственных, несклонных к метафизике императоров Рима появляется император Марк Аврелий, вошедший в историю мировой философии как классик философии позднего стоицизма.

Такая высокая ранговая оценка философии Древнего мира, давшей нам знание осевого времени человечества, наделяет ее метафизическое знание силой безусловного начала, к смыслам которого будет вечно возвращаться рефлексивная мысль взрослеющей философии исторически меняющегося человека. Возвращаться так же, как взрослый человек, идя по дорогам трудной жизни, возвращается в минуты потерянности и одиночества в потерянный рай детства. Юрген Ха-

бермас, авторитетный немецкий философ XX века, реагируя на духовную пустоту, атмосферу отчуждения современного человека от человека и общества, заметил, что в мире прогрессивной, потребительски-пресыщенной современности не хватает чего-то сакрального. Предсказанный Фридрихом Ницше рост «пустыни» стал явью современного мира.

Чего же нам не хватает в логосе философии сознания, которая так преуспела в развитии методологии и инновационных технологиях современной нейронауки? Определенно не хватает мировоззрения весны, проистекающего из доверительности и открытости детской души, чувствующей родство с душой жизни, объемлющей нас жизни Земли и Космоса. Нам не хватает мировоззрения гилозоизма, при котором чувствуется, что все одушевлено и является различными формами жизни, не хватает жизненности чувств, проистекающих из естества нашей биологической природы.

Нам не хватает субъекта, который занимает высоту самосознания, осуществляет рефлексивный ход мысли, чтобы в процессе самопознания достичь знания истины человеческого сознания. Нам не хватает метафизической смелости Сократа, свято веровавшего в предсказание Дельфийского оракула: «Человек, познай самого себя, и тогда тебе откроется Вселенная и боги, ее населяющие». Существует устойчивое мнение, что те, кто устремлен к познанию мира, и те, кто устремлен к глубинам самопознания, встретятся в одной точке, достигнув пределов осознания. Разгадка всего – в познании разума человека как фокуса бытия, ибо в нем, как в зеркале, отражаются законы мироздания.

Современной нейронауке определённно не хватает широты и жизненности философского мировоззрения, смелости философской методологии. Не хватает объективно, так как по мере своего развития нейронаука все более специализируется, ветвясь в древе технологического разделения труда, теряет в узости тоннельного сознания широту видения. А в крепких объятиях высоких технологий нейронаука теряет биоэтическую чуткость к вопросам клиники мозга, нейрофизиологии, нейролингвистики живого в своем естестве человека. А вдобавок ко всему перечисленному, нейронаука уже не чувствует величия гуманистической ответственности за историческую субъектность человека, который по-прежнему является «альфой и омегой» социально-культурной динамики исторически развивающегося человечества.

И тем не менее специалисты из сферы нейронауки, совмещая в одном лице и клинициста, и когнитивного психолога, технолога, программиста, биоэтика и философа, постоянно решают сверхсложные вопросы жизни смертного в своем существовании человека. Как же это возможно, ведь они не философы?

Философ не тот, кто ловко жонглирует ответами, полученными гениями мировой философии, а тот, кто практически, при выполнении сверхсложной и ответственной работы, решает вечные и неразрешимые вопросы. Неразрешимые в силу того, что истина конкретна и живет в бегущем времени истории до того момента, когда появится новая в свое конкретности истина. Знание истины не есть застывшее в догмате знание, а есть живое, творческое движение мысли от незнания к знанию относительной истины, от относительной истины к объективной истине конкретно-исторического времени. А далее уже слышны зовы грядущего времени. И эстафетная палочка истины передается потомкам.

Вопросы философии неразрешимы потому, что они задаются от имени того человека, который ставит себя на вершину осевого времени истории, он решается взвалить на свои плечи ношу великих учителей – Будды, Платона, Пророков, Отцов Церкви, Лейбница, Канта, Гегеля, Маркса, Ницше, Хайдеггера, Поппера. И, естественно, это редко кому удается. Но для всех открыта книга их знаний, бери и читай.

И здесь третий момент сложности философского знания: знание философии есть знание любви к мудрости. Кто же в век прагматики, потребительства, утилитаризма и поклонения богу Мамоны будет любить мудрость, этот признак чудачества, а может быть, вырождения и неадаптивности человека? Тогда почему гении человечества стремились к знанию философии и были философами? Или можно совместить любовь к жизни и любовь к мудрости? Вопросов много, их решить теоретически невозможно, а только практически, совершенствуя практику жизни до искусства жизни.

Когда мы смотрим на работу клиницистов, излечивающих пациентов от тяжелых, почти неизлечимых болезней мозга, то мы видим, как они практически решают вечные вопросы жизни и смерти, вопросы понимания основной проблемы философии – проблемы сознания человека в обусловленности его степенью физического благополучия мозга. Вопрос философии сознания имманентно, трансцендентально и трансцендентно вплетен в клиническую практику институтов мозга, где основательно исследуют болезни мозга.

Аспект имманентного присутствия философской проблематики дан через предметность клинической практики клиницистов мозга. Клиницисты мозга реально исследуют физиологический субстрат нейролингвистики. Они анализируют и познают динамические состояния мозга, начиная с состояния смерти мозга, до нормального психосоматического его функционирования, и до измененных состояний сознания, прошедшего воздействие психотропных, хирургических, технологических (чипирование, подключение к Сети, к пульту внешнего управления и т. д.) средств. В экспериментальных клиниках опосредуют процесс создания ИИ (искусственного интеллекта) на основе аналоговых моделей нормально функционирующего мозга человека. Работа по принципу функционализма и физикализма приводит к действию воплощения онтологии человека в онтологию киборга, в техносферу мира машин. Это важнейший элемент технологий трансгуманизма времени техногенной цивилизации.

Аспект трансцендентального (априорно обусловленного знания) присутствия философии мы видим в методологии нейронауки. Приверженность клиницистов эмпирическому методу исследования и познания тайн мозга, метод описания, метод бихевиоризма, мыслительный эксперимент, клинический эксперимент, верификация как способ определения истины знания и многое другое – всё это не от ума клиницистов, а от той или иной методологической базы той или иной философии, все это через восприимчивую душу клинициста к логике и этике духа культуры, к многоликому и требовательному логосу культуры.

Аспект трансцендентного бытия дан нашему сознанию через знание метафизики бытия. Знание, игнорируемое эмпирической наукой, но с неизбежностью возникающее в момент гносеологического поражения разума, бегущего от одной степени незнания фундаментальных законов к более сложной. И приходящее в момент прозрения к мудрости умудренного незнания, говорящего мне смиренно: я знаю, что ничего не знаю, но зато я всегда в начале вдохновенного порыва к знанию, готового после очередного поражения иметь мужество задавать вопросы бытию мира и отвечать на них бытийственно сильно.

Трансцендентное знание, находящееся по ту сторону невозможного для нас бытия, есть, по сути, молчаливое свидетельство смерти из страны, из которой никто не возвращался, но все туда уходят. И потому невольно спрашивают себя и свою память об умерших. А состояние смерти – это небытие или инобытие? Можно ответить, что небытие, но зачем тогда на памятниках умерших и взявших с собой часть нашей души, мы пишем: «будем вечно помнить»?

Очевидно, что вопросы, которые задает нам трансцендентное бытие, решаются не разумом, а всем существом человека. Решаются с позиции интенциональ-

ных, эволюционно сильных витальных устремлений жизни рода, а не отдельного существа. Закон жизни – закон трех моментов развития: первый момент – это рождение из зародыша, в котором весь потенциал и разум родовой жизни; второй – это развитие до полноты и рассвета жизни, до плодоношения; третий – это уход в смерть.

Существует единосущее этих трех разных моментов жизни живого существа, на основе взаимного перехода филогенеза в онтогенез и, наоборот, онтогенеза в филогенез. Для человека этот естественно эволюционный переход осуществляется на уровне иного качества жизни – на уровне социальной формы развития материи, и осуществляется уже под водительством господствующей на данный исторический момент времени той или иной культуры. Властный субъект власти, исходя из насущной необходимости укрепления верховной власти – гаранта стабильности и развития в условиях постоянной борьбы различных претендентов на власть, вынужден постоянно осуществлять выгодную и единственно приемлемую для себя ротацию кадров.

И чтобы сделать это основательно и убедительно для всех и каждого, власть монополизировала право на культуру, на смену ее ценностного и целеполагающего духа. Это важно сделать своевременно, исходя из наличия революционной ситуации, из угрозы, что сильные претенденты на власть смогут использовать недовольство народа в своих интересах и нанести господствующей власти смертельный удар. Поэтому, если надо разжечь огонь революции, культуру переводят в режим чувственной культуры, которая транслирует через свои технологии воспитания, образования способы социализации в сознании людей ценности гедонизма, индивидуализма, эмансипированного инстинкта, свободу без берегов, с лозунгами «Требуй невозможного! Все, что не запрещено, то разрешено».

Если надо в обществе установить мобилизационный режим власти, то культуру переводят в режим идеационной культуры, по терминологии П. Сорокина, которая таким же образом через технологии образования, воспитания, социализации транслирует в сознание людей ценности и целевые установки. Но уже с иным значением и смыслом. Идеационная культура призвана мобилизовать в человеке его социальное должностное поведение, пробудить в нем чувства солидарности, коллективизма, патриотизма. Воспитать из человека труженика, воина, святого, живущего жертвенно во имя горнего мира.

Таким образом, человек биологический осуществляет свою жизнь социальным образом, постоянно порождая неустранимое и потому постоянно во все время его жизни решаемое противоречие между безусловным инстинктом духа (дух чувственной культуры) и духом условного инстинкта (дух идеационной культуры).

Инстинкт духа и дух инстинкта – это уже не социальное и не биологическое свойство человека, это его эмерджентное качество автономного, самостоятельного, ни от чего не зависимое в его ментальном творческом воображении действие. Это духовная протяженность его мыслительного бытия, благодаря которой возникает та самая метафизическая топика платоновской души, с ее вечной памятью. Возникает, потому что разумная воля человека уже живет в умоглядном пространстве духа, логоса культуры. И духовная воля свободно мыслящего человека причастна к силе бытия, неподвластная силе все пожирающего необратимого времени. Так время в протяженности духа становится способностью человека помнить сейчас и здесь то, что уже прошло, и представлять здесь и сейчас будущее, которое еще не настало. И находясь в силе этой памяти и в силе ясновиденья будущего «над», «под» быть в сосредоточии здесь и сейчас вечно бегущего и объемлющего через нас времени.

Именно сила духа определяет уровень, качественность социального существования человека. Человек асоциальный в силу того, что он брошен на дно со-

циума, – это «маугли», «бомж», не имеющий социального места, это больной человек, неспособный к социализации. Человек социально послушный, конформист, одномерный человек, винтик в системе исполнительского труда – подобен биороботу, из которого можно без особого ущерба для него делать киборга. И только человек, который живет в осознании значимости своей миссии, – это духовный человек.

И мы думаем, что клиницисты института мозга – это люди духовной воли, и зовы философии они хорошо слышат со всех уровней своей профессионально выполняемой деятельности: и с земли эмпирического опыта, и из интересубъективности своего мышления, и с небес трансцендентного бытия; и, фактически, они являются практиками клинически действенной философии.

Это хорошо видно на примере, как они в ходе клинической практики решают основной, знаковый вопрос философии сознания. Философская суть вопроса о человеческом сознании в истолковании понятия «квалиа». «Квалиа» (от лат. *qualia* – мн. ч. свойства, качества) – термин, введенный американским философом К. И. Льюисом, используется в философии, преимущественно в англоязычной аналитической философии сознания, для обозначения сенсорных, чувственных явлений любого рода. «Квалиа» – термин для обозначения того, что является самым близким для нас, наших восприятий. Это качественные характеристики наших сознательных состояний: мучительность боли, «краснота красного, “горечь”, обиды, сладость, наслаждения. Квалиа – специфические субъективные переживания, которые составляют весь наш внутренний опыт. Из них состоит “каково это быть мной”».

Каково быть собой пациенту, когда он основательно болен и ждет помощи от лечащего врача? Очевидно, что инициатива ответа на этот вопрос переходит на сторону врача. Но так как врач лечит не болезнь, а больного, то он должен ответить на вопрос о том, «каково больному быть собой». Опытный клиницист, зная о риске психического выгорания, о трудности психического понимания, не будет прислушиваться к беззвучным зовам души больного, хотя отчетливо слышно, как кричит и стонет его тело. И все-таки при лечении мозга будет излишне учесть степень бодрствования сознания больного. И тогда надо будет к соматической картине болезни добавить диагностическое знание о сознании больного.

Но врач не делает этого, так как по умолчанию исходит из приверженности духу эмпиризма, мыслит и действует по методологии эмпириокритицизма Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха. Скорее всего, врач ничего не знает о создателях этой методологии, но логика опыта ведет его путем эмпириокритицизма. Суть этой методологии – в критике эмпирического опыта, «загрязненного» образностью, метафоричностью гуманитарного знания, оторванностью от конкретности эмпирического эксперимента, от ощущений и чувствования изучаемого предмета.

Определённо опыт науки должен быть событием встречи субъекта и объекта по выяснению конкретной предметности объекта. Научное знание материи дается нам в момент нашей встречи с ней в пространстве эмпирического опыта. В его динамике возникает «гносеологическая координация», при которой нет субъекта без объекта и, наоборот, нет объекта без субъекта. Получаемое знание в ходе такого опыта описательно и согласуется с методологией бихевиоризма. При умозрительном осмыслении, структурной систематизации данных эмпирического знания уместны умственные эксперименты, ментальные модели по разрешению возникших вопросов. В текстуре эмпирического опыта действует принцип «экономии мышления», порожденный естественным адаптивным образом жизни в среде его проживания. Поэтому наработанные, привычные способы исследования живут долго и работают надежно. Вопрос о верификации, сведение абстрактного содержания понятий к сенсорным значениям фактологии опыта решается в духе фи-

зикализма. Поэтому для Маха психическая реальность ощущения – это оборотная сторона физической реальности энергий материального мира. Момент «квалиа-» качества сознания в форме ощущения воплощен в физическую качественность энергетической волны.

Привычный ход методологически четко работающего мышления дает сбой, чтобы запустить эмпатийное мышление биоэтики. «Человек-растение» – это ниже по рангу, чем «человек-животное». По траве мы ходим, выкашиваем ее, особо не переживая при этом; с животными сложнее, особенно если эта животина в существе своем для нас является любимой и преданной собакой. А с человеком еще сложнее и ответственно и юридически действенно.

Это ведь только литературная метафора, когда говорят о человеке «живой труп», «человек-растение». Однако когда философы сознания живописуют с помощью мыслительных экспериментов, то складываются такие представления о живом мозге человека. К примеру: «мозги в бочке», «философский зомби» отождествляют по аналогии процесса брожения множества дрожжевых клеток в кастрюле с процессом жизни множества человеческих клеток в коробке головного мозга. Здесь нет расплывчатого смысла метафоры, здесь однозначность и решительность в преодолении дуализма души и тела.

Здесь есть ясное и четкое утверждение, что в «человеке-траве», в пациенте, клиническое состояние которого принято определять как вегетативное, нет никакого управителя из потустороннего мира, а есть реальный, естественный процесс слаженной работы множества живых клеток, создающих жизнь живого существа. «Ныне налицо распространенное соглашение между учеными и философами, – пишет гуру современной философии сознания Дени Деннет, – в силу которого дуализм просто ошибочен (и должен быть таковым): все мы состоим из неразумных роботов и ничего иного, никаких не – физических, не-“рабочих” составляющих вообще нет» [1, с. 29].

Но это все теория, господа-теоретики философии. А на практике глаза пациента, находящегося в вегетативном состоянии, смотрят, они живы. Мы, конечно, не знаем, есть ли тот, кто смотрит через эти глаза. Но опыт гуманитарной культуры нам говорит: глаза – это зеркало души. Нам сказали, что в теле, кроме хоровада миллиона клеток, ничего похожего на душу нет. Но по определению метафизики душа не материальна и в ней есть сила бытия, которое своим ноуменальным единством все объемлет и все содержит в себе. Это бытие противоречиво. По авторитетному мнению В. И. Моисеева, современного представителя философии всеединства, «отношение Высшего Начала и относительных (которые не являются Высшим Началом) мыслится двойственно – Высшее Начало и выходит за пределы любых относительных начал и включает их в себя. Можно сказать и так, что Высшее Начало лежит не вне относительных начал, а включает их в себя, превышая любое их единство (принцип Превышающего Включения)» [7, с. 27].

Душа, являясь бытийственным высшим началом, может быть вне тела, вне мозга, объемля его спасительным покровом бытия, а может быть не суммативным единством жизни, сила которой превышает силу распадающегося единства едва живого тела. Поэтому не все так теоретически просто. А под давлением биоэтических императивов и присущей эмпатии врача к жизни пациента появляется другое ментально знаковое определение состояния больного – «синдром безответного бодрствования». Клиницист вопреки теоретической философии сознания Деннета, видящего в жизни мозга только физикализм машины, почувствовал «безответственность бодрствующего сознания». А если есть в объекте тела субъектность тела, то возможны начала для духовно-практического взаимодействия с пациентом.

Естественно, что это взаимодействие врача и пациента регламентировано императивами биоэтики, профессиональными нормами медицинской этики и норма-

тивной базой договорного права, согласно которому осуществляется информационное согласие пациента на предложения лечащего его врача. Биоэтика – это и есть практическая философия клинициста, методология которой позволяет ему занять сильную позицию наблюдателя, сравнимую с позицией наблюдателя физической реальности квантового поля, которое от зоркости взгляда наблюдателя показывает себя в качестве энергичной волны или частицы электрона. Правда и ложь этой позиции в верном или неверном понимании. Копенгагенская интерпретация квантовой теории, которую сформулировали Нильс Бор, Вернер Гейзенберг и Вольфганг Паули, утверждает среди прочего, что реальность есть совокупность наблюдаемых единиц (это, помимо прочего, значит, что когда нет наблюдателя, нет и реальности).

Да, действительно, в Швейцарии при помощи Большого электронно-позитронного коллайдера обнаружили «Бозон Хиггса» – «частицу Бога», но физики при этом не стали богами. И наблюдатель квантового поля не управляет силой своей внимательной мысли волновой функцией квантового поля Вселенной.

Сила этой позиции наблюдателя в том, что физики совершили гениальное открытие в познании тайн Вселенной, а слабость в том, что технологии внедрения и управления не в руках этих физиков и не во власти любого человека, кто усвоил методы медитации по изобретенной Дж. Диспенза квантовой психологии. И, находясь в трассовом состоянии от хорошо свершаемой медитации, сможет управлять в своих интересах энергиями квантового поля, чтобы из пустоты мечтаний получить богатство, власть, счастье в материальном мире жизни нашего тела.

Сильная и верная позиция биоэтика, как всегда, – в истинном знании реального положения дел. А в данном случае он видит и понимает двойственный, пограничный характер человеческого тела. С одной стороны, тело человека все более объективируется – становится товаром рабочая сила, цена которого все более понижается работодателями до статуса говорящего орудия труда, мощь высоких технологий размывает границу естественно приобретенного и технически внедренного в тело и образ жизни человека до исчезновения биологического в механической, чипированной жизни человека. А с другой стороны, либеральная идеология, став руководством в жизненном самоопределении человека, убедила его в том, что он мера всех вещей, существующих и несуществующих, он правомочный хозяин своей жизни. И в то же время происходит отрезвление человечества от мифологии научно-технического прогресса, который, как оказывается, несет не только благо удобств, но экологически запрограммированную смерть.

Он понимает, что в свете новой экологической парадигмы для логоса нейронауки Джеймса Гибсона «традиционная теория стимул – реакция, позаимствованная из точной науки, каковой считается физиология, помогла избавиться от учения о душе в психологии, но по-настоящему она никогда не работала. Ни ментализм (это с одной стороны), ни условно-рефлекторный бихевиоризм (с другой) не отвечают требованиям современной науки. Необходим новый тип мышления, зачатки которого появляются в работах по теории систем» (цит по: [8, с. 96]). И он понимает, что опора на философию традиционного позитивизма и даже неопозитивизма вне контекста современной философии всеединства не делает позицию наблюдателя по-настоящему сильной.

Под воздействием этих противоположных действий предметность тела пациента обрела статус «биоэта», и от врача требуется хорошее видение в природе человека объектного и субъектного, машинно-мертвого и естественно-живого. Необходимо с позиции наблюдателя управлять модусами этого пограничного «биоэта», в одном контексте отнестись к нему этично, в другом – отчужденно-прагматично, в одной ситуации прислушаться к либеральной или консервативной оценке. К примеру, как оценить пограничный характер процесса «эвтанизии», по-

граничный статус эмбриона в ситуации амбивалентности решения: сохранить или абортировать плод и т. д.

Противоречивость позиции биоэтического наблюдателя еще обусловлена не-локальностью его места в сетевом пространстве Интернета. Это место суть «глоболок», оно одновременно и везде и в точке актуализированной Сети. К примеру, Институт мозга ведет консультативную работу в точке его локализации в городе Березовский, а реальную спасительную помощь получают пациенты многих районов Свердловской области. Но все эти сложности преодолеваются благодаря сильной позиции биоэтического наблюдателя, научившегося мыслить в логике неклассической научной рациональности, с позиции которой и возможно новое теоретическое видение наблюдателя квантового поля Вселенной, от взгляда которого волновая функция превращается в частицу электрона.

В профессии клинициста физикализм, функционализм чреваты смертью пациента или трансформацией его в мертвое тело киборга, управляемое извне, быть может, чуждой ему силой. Поэтому и актуальна этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера. Он писал: «Моя жизнь в самой себе носит свой смысл, который состоит в том, что я живу высшей идеей, проявляющейся в моей воле к жизни, – идеей благоговения перед жизнью. Благодаря ей я придаю значимость своей жизни и всем окружающим меня проявлениям воли к жизни, побуждаю себя к деятельности и создаю ценности. Этика вырастает из этого же корня, что и миро- и жизнеутверждение. Ибо и этика не что иное, как благоговение перед жизнью» [12, с. 79].

При таком этическом уклоне и нейронаука, и философия возродят нашу надежду и веру в научный прогресс нейронауки и философии. И мы сможем мощный ход техногенной цивилизации направить по руслу духовно-нравственного развития истории человечества.

Литература

1. Деннет Д. Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании / под ред. М. О. Кедровой ; пер. с англ. А. Н. Ковалю. – М. : URSS, 2017. – 292 с.
2. Диспенза Дж. Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели. – М. : Эксмо, 2013. – 400 с.
3. Дугин А. Г. В поисках темного логоса: философско-богословские очерки. – М. : Академический Проект, 2013. – 515 с.
4. Каку М. Будущее разума / пер. с англ. Н. И. Лисовой. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 502 с.
5. Кришнамурти Д. Окончание времени. Будущее человечества. Беседы Джидду Кришнамурти с Дэвидом Бомом. – М. : Ганга, 2016. – 600 с.
6. Моисеев В. И. Логика всеединства. М. : Per Se, 2002. – 414 с.
7. Моисеев В. И. Человек и общество: образы синтеза : в 2 т. – Т. 1. – М. : Компания Навигатор, 2012. – 711 с.
8. Моисеев В. И. Человек и общество: образы синтеза : в 2 т. – Т. 2. – М. : Компания Навигатор, 2012. – 760 с.
9. Поппер К. Как я понимаю философию? // Поппер К. Как я понимаю философию : Иммануил Кант – философ Просвещения / пер. с нем., вступ. ст. и прим. И. З. Шишкова. – М. : Кн. дом «Либроком», 2009. – 104 с.
10. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А. Ш. Тхостова. – М. : Академический Проект, 2010. – 252 с.
11. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. Васильева. – 2-е изд. – М. : Кн. дом «Либроком», 2015. – 512 с.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / сост. и послесл. А. А. Гусейнова ; общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – 572 с.

Valentin Mikhailovich Knyazev,

Doctor in Philosophy, professor at Philosophy, Bioethics and Culturology chair,
Ural State Medical University (Yekaterinburg)

Andrey Vladimirovich Belkin,

senior resident of the Department of Intense Care Rehab of Clinical Institute of Brain;
postgraduate Student, Ural State Medical University (Yekaterinburg)

Neuroscience and philosophy about the future of human nature

The article explores the relationship between neuroscience and philosophy in studying future transformations of human nature. Under the influence of scientific and technological progress, the history of mankind accelerates its run exposing the innate natural qualities of man, his developed spiritual and personal identity to irreversible changes. Is there any hope for man in this situation to receive assistance from both the clinical practice of neuroscience and philosophy with its practices of spiritual therapy? Is it possible that with the trans-humanistic turn of neuroscience and philosophy to the path of the controlled evolution of man, the worst will happen: the existence of man would become his another form of existence in the body of a man-made cyborgs, and if the best happens human being will become another, more perfect form of his existence? The ambiguity of this trans-humanistic course of modern human evolution raises questions about the logos of neuroscience and the philosophical ethics of this logos.

Key words: logos of neuroscience; modes of methodology of neuroscience; philosophical-ontological; methodological and bioethical principles of philosophy of consciousness; holo-dynamics.